

Николай Милков

Рассел, Витгенштейн и проект «Аналитической Философии»^{*}

За прошедшие три десятилетия было опубликовано множество книг¹, которые расширили наше знание относительно взаимоотношений между Расселом и Витгенштейном в 1911-12. К сожалению, материалы, которые составляют эти книги, остаются исследованными не до конца. В этой работе будет прояснено, что эта ситуация касается истории того, что позже было названо «аналитической философией». Несмотря на то, что Рассел и Витгенштейн были абсолютно солидарны друг с другом в своей антипатии к философии старого стиля, – например философии Бергсона, – у каждого из них была собственная концепция новой философии. Для Рассела новая философия означала «научную философию», или же философию, обогащенную «научной сдержанностью и балансом», и приводила к ряду логически правильно построенных теорий. У Витгенштейна, в свою очередь, концепция новой философии привела к редуцированным, коротким логико-философским «открытиям». В последующие годы, обе концепции, «строгой философии», которая была представлена Расселом и Витгенштейном, часто противоречили друг другу.

^{*} Milkov N. Russell, Wittgenstein, and the Project for 'Analytic Philosophy' // H. Hrachovec, A. Pichler (eds.) Philosophy of the Information Society, Contributions of the Austrian Ludwig Wittgenstein Society, Vol. 15, 2007. Перевод выполнен Александром Собанцевым с любезного разрешения автора – Примеч. пер.

¹ См., например, Clark R. The Life of Bertrand Russell. – London: Jonathan Cape, 1975; McGuinness B. Wittgenstein: A Life. – London: Penguin Books, 1988; Monk R. Bertrand Russell: The Spirit of Solitude. – New York: The Free Press, 1996.

1. Рассел знакомится с Бергсоном

Главная идея этой работы состоит в том, что новая философия, позже названная «аналитической» (в 1912-13 Рассел часто называл ее «научной»), была сформирована в течение первых месяцев знакомства Рассела с Витгенштейном: октябрь 1911 – май 1912. В эти месяцы Рассел также познакомился с Анри Бергсоном, с которым он вел критические дискуссии. Отношение Рассела к Бергсону было весьма отрицательно. Даже если это так, то, возможно, его дискуссии с Бергсоном сформировали у него идею новой философии, которая радикально отличается от конвенциональной философии в стиле Бергсона.

Для Рассела главная проблема старой философии, и Бергсона в частности, состоит в том, что эта философия

не зависит от доказательств, и не может быть подвержена критике аргументами. Его образная картина мира, рассматриваемая как поэтическое усилие, в основном не способна ни к доказательству, ни к опровержению. Шекспир говорит, что жизнь – это блуждающая тень, Шелли говорит, что она походит на дно многоцветного стакана, Бергсон говорит, что она – снаряд, который разрывается на части, которые также являются снарядами. Если вам больше нравится изображение Бергсона, то оно допустимо, но не более².

Другими словами, недостаток старой философии связан с тем фактом, что ее результаты не являются аподиктическими. Вы можете согласиться с философом, если вы сочувствуете его стилю рассуждения, но вы можете также и не согласиться с ним.

² Russell B. The Philosophy of Bergson // Russell B. Collected Papers, Vol. 6. – London: Routledge, 1993, p. 336.

2. Строгая философия

В отличие от философии Бергсона, новая философия дает «твердые результаты»³ – результаты, которые не распадаются в тот момент, когда их подвергли «испытанию разумом». В этой связи интересно заметить, что Витгенштейн критиковал работу Рассела, «Освобождение человеческой веры»⁴, за которой не стоит «ничего прочного» (#387⁵). Очевидно, эта работа еще не была частью новой философии, по крайней мере не для Витгенштейна.

Эта особенность новой философии объясняет склонность будущих «аналитических философов» к систематике: к подготовке списков грамматических категорий, или других онтологических «номенклатур», которые часто представлялись в качестве философских продуктов⁶. Если бы не было никаких других способов, такие методы привели бы к прочным результатам, которые не могли бы быть опровергнуты. Рассел, чисто случайно, пришел к идее о том, что «исследование грамматики ... способно пролить намного больше света на философские вопросы, чем это обычно предполагалось философами»⁷. Задолго до того, как он встретил Бергсона или Витгенштейна он уже поддерживал эту идею в *Началах математики*.

³ Russell B. The Place of Science in a Liberal Education // Russell B. *Mysticism and Logic* – London: Allen & Unwin, 1918, p. 38.

⁴ Russell B. *Mathematics and the Metaphysicians* // Russell B. *Mysticism and Logic* – London: Allen & Unwin, 1918.

⁵ Здесь и далее в тексте такие три цифры, помещенные в скобках, обозначают номер письма от Рассела леди Оттолин Моррелл, как внесено в указатель Исследовательского центра Гуманитарных наук Университета Техаса в Остине.

⁶ Эта особенность «аналитической философии» была лучше всего описана, что касается австрийской аналитической философии, Кевином Маллиганом: «Описание области должно иметь приоритет над каждым типом объяснения, которое относится к тому, как возникает явление» в Mulligan K. *Exactness, Description and Variation: How Austrian Analytic Philosophy Was Done* // *Schriftenreihe der Wittgenstein-Gesellschaft*, 12 (2), 1986, p. 87.

⁷ Russell B. *The Principles of Mathematics*. – London: Allen & Unwin, 1903, p. 42.

Судя по этим фактам, кажется, что самым соответствующим названием для новой философии было бы «строгая философия». Как ни странно, этот термин сначала использовался Гуссерлем в названии его книги *Философия как строгая наука* (1910/11). Это произошло по иронии судьбы, поскольку «аналитическая философия» в течение многих десятилетий считалась противостоящей феноменологии.⁸

Помимо наличия твердых результатов, главная особенность строгой философии состоит в том, что в ней обсуждаются *первоосновы*. В письме Люси Доннеллай от 28 октября 1911 Рассел написал: «Философия Бергсона, хотя и демонстрирует конструктивное воображение, кажется мне совершенно лишенной доказательности, не имеющей законных оснований; он никогда не думает об основных принципах, а только изобретает милые сказки»⁹. Напротив, новая философия – теоретическая философия; она не создает историй.

3. Новая философия как научная философия

Мы можем достигнуть строгой философии, которая изучает первоосновы двумя способами: путем (i) Рассела, используя «гармонизирующее посредничество причины»; и путем (ii) Витгенштейна, «откапывая» «твердые мысли». Отметим, что эти два подхода к изучению основных принципов также обуславливали различные типы «аналитической» философии, которую практиковали Рассел и Витгенштейн: различие, которое привело к открытому конфликту между ними в то время, когда они снова были вместе в Кембридже в 1944-1947.

⁸ В работе Milkov N. *Analytic Philosophy and Phenomenology: Common Sources, Related Results* // S. Kaneva (ed.) *Challenges Facing Philosophy in United Europe*. – Sofia: IPhR, 2004 я уже показал, что дело не в этом.

⁹ Russell B. *The Philosophy of Bergson* // Russell B. *Collected Papers*, Vol. 6. – London: Routledge, 1993, p. 318.

Рассел полагал, что новая философия достигает твердых результатов, прежде всего, будучи «научной философией», то есть философией, которую изучает разум. Он представил лучшее ее описание в работе «Мистицизм и логика»: новая философия – это философия, которая использует «гармонизирующее посредничество разума, который проверяет наши убеждения на их взаимную совместимость, и исследует в сомнительных случаях возможные источники ошибки с одной и другой стороны»¹⁰. Это – философия «научной сдержанности и баланса»¹¹. Ее результаты проверены разумом. С другой стороны, старая философия производит теории и идеи, которые не могут быть исследованы этим способом. (В этом смысле Рассел также жаловался на «догматический, епископский стиль Бергсона» [#360]). В результате эти теории и идеи последовательны только с точки зрения сочувствующих умов. Рассмотренные же с другой перспективы, они тут же распадаются.

Следуя этому методу, Рассел заимствовал практику построения философских теорий: практику, которая в полной мере была развита в теории Карнапа («Логическое построение мира»). Этот вид новой философии предлагает всегда новые гипотезы (или модели), единственная цель которых состоит в том, чтобы лучше представить (или упорядочить) доступные факты. Это не предполагает открытия истины. Традиционный пример этого подхода представлен в работе Рассела *Теория знания* (1913), в которой он установил новую систему эпистемологии при помощи аппарата новой логики, начав с единственной эпистемологической предпосылки – знакомства.

¹⁰ Russell B. *Mysticism and Logic* – London: Allen & Unwin, 1918, p. 17.

¹¹ *Ibid.*, p. 20.

4. Новая философия как состоящая из открытий

Рассел утверждал, что это посредничество разума, устанавливающего философские теории, может быть достигнуто наилучшим образом при помощи доказательства. Он, однако, не был таким горячим сторонником доказательств, чтобы не заметить, что новая философия могла быть также достигнута другими способами. Как показывает следующая цитата из писем Рассела, он также допускал недостаток доказательств, например, у его студента Витгенштейна¹²:

Я сказал ему, что он должен не просто *утверждать* то, что полагает истинным, но приводить доказательства, но он сказал, что аргументы портят красоту, и что он чувствовал бы, что пачкает цветок грязными руками... Я сказал ему, что не настолько жесток, чтобы возразить что-либо, и также, что он должен завести себе раба для приведения аргументов.

Витгенштейн развивал свою версию новой философии, следуя подходу, который некоторые историки справедливо рассматривали как «кантианский»: Витгенштейн сплавлял философию с логикой. Таким образом усиленный, этот подход дает строгие мысли, которые не распадаются при критическом анализе. Этот вариант новой философии рассматривает первоосновы еще более последовательно, чем подход Рассела. В этом смысле Витгенштейн стремился дать «другое и более фундаментальное описание основ *Начал математики*»¹³.

Таким образом Витгенштейн произвел, прежде всего, некоторые открытия в области философской логики. Достаточное количество таких открытий представлено в

¹² Monk R. Op. cit., p. 264.

¹³ McGuinness B. Op. cit., p. 104.

работе Витгенштейна «Заметки по логике». Вот пример: «Фреге говорил, что ‘пропозиции – это имена’; Рассел говорил, что ‘пропозиции соответствуют комплексам’. Оба высказывания ложны; и в особенности ложно утверждение ‘пропозиции суть имена комплексов’»¹⁴. Три года спустя, в 1916, Витгенштейн обнаружил, что этот метод мог помочь ему придти к надежным философским результатам также и в этике: «произведение искусства – это объект, который рассматривается *с точки зрения вечности*; и хорошая жизнь – это мир, который рассматривается *с точки зрения вечности*»¹⁵. Фактически, логико-философский метод Витгенштейна мог быть применен не только к логике и этике, но также и к любой другой философской дисциплине.

В другой работе я назвал этот метод работы Витгенштейна «скульптурным методом». Это был метод систематического отделения всего сырого материала от «окончательных» философских истин¹⁶. С другой точки зрения, этот метод был методом постепенного «изваяния» – или монолитного построения – всех тех «окончательных» философских истин, к которым, как полагал сам Витгенштейн, он имел доступ. В этом подходе признается, что каждое счастливое философское открытие окончательно, и, таким образом, оно решает проблему подробным исследованием раз и навсегда; у нас нет необходимости возвращаться к этому снова. Этот подход производит кристаллы, самым чистым из которых был *Tractatus*.

Сам Витгенштейн описал свой особенный метод, используя другие метафоры. Иногда он чувствовал, что его задача «была чем-то, что подобно освобождению от обязательств, но не терпеливым и совокупным удалением

¹⁴ Wittgenstein L. Notebooks 1914-1916 – Oxford: Blackwell, 1979, p. 97.

¹⁵ Ibid., p. 83.

¹⁶ Milkov N. The Varieties of Understanding: English Philosophy Since 1898. Vol. 1 – Frankfurt: Lang, 1997, pp. 355ff.

частичных проблем, а каким-то инсайтом, достигнутым в результате усилия»¹⁷. Довольно интересно то, что этот метод работы не был полностью чужд Расселу, этому знатоку, как аргументов, так и систем. 22 марта 1912 он написал Леди Моррелл: «подход [Витгенштейна] оправдывает все то, на что я надеялся в своей работе... у него даже те же сравнения, как и у меня – стена, отделяющая его от истины, которую он должен так или иначе снести. После нашего последнего обсуждения, он сказал: ‘Ну, часть стены снесена’»¹⁸.

Вообще, однако, необходимо сказать, что способность Витгенштейна к философии, если сравнить ее со способностью Рассела, была другого рода. Короче говоря, Витгенштейн был просто неопытен в систематическом рассуждении. В этом смысле Рассел сообщал, что, «когда нет никаких ясных аргументов, а только неокончательные соображения, которые должны быть уравновешены, или неудовлетворительные точки зрения, которые установлены друг против друга, он [Витгенштейн] неопытен» (23.4.134¹⁹). Это означает, что Витгенштейн был неопытен при построении ряда логически безупречных философских теорий, что было, однако, сильной стороной Рассела. С другой стороны, когда Рассел сталкивался с «философскими стенами», которые должны были быть разрушены, он чувствовал, что, даже когда он «применял *всю* [свою] силу», он был «только равен» Витгенштейну (17.3.12).

Витгенштейн сконструировал свой вид философии, используя метод концентрации – он должен был сконцентрироваться, чтобы сделать свои окончательные философские открытия: «Длительная концентрация была его

¹⁷ McGuinness B. Op. cit., p. 172.

¹⁸ Clark R. Op. cit., p. 172.

¹⁹ Здесь и далее в тексте такие трехчастные числовые обозначения указывают дату письма от Рассела Леди Оттолин Моррелл.

обычным методом»²⁰. Действительно, «работой Витгенштейна *были* усилия концентрации на проблемах, которые он видел перед собой. [...] Его заметки были продуктом дистилляции длительных периодов этой концентрации».

5. Теоретическое эстетство Витгенштейна

Практика открытия философских истин, устранения «философских стен», которая выделяет истину в форме глубокой концентрации, привела Витгенштейна к стремлению «быть творческим», подход, который ясно зафиксирован в «Автобиографии» Карнапа:

Когда [Витгенштейн] начинал формулировать свой взгляд относительно некоторой определенной философской проблемы, мы часто чувствовали внутреннюю борьбу, которая происходила в нем в этот самый момент, борьбу, посредством которой он пробовал проникнуть из темноты на свет при интенсивном и болезненном напряжении, которое можно было даже заметить на его выразительном лице. Когда – иногда после длительного очень тяжелого усилия – наконец он находил ответ, его утверждение стояло перед нами, как только что созданный шедевр искусства или божественное открытие²¹.

Карнап, конечно, был несправедлив к Витгенштейну, когда сравнивал его с «религиозным пророком или провидцем». Цель Витгенштейна состояла в том, чтобы изобретать не религиозные истины, но философские. Его истины были строгими и проливали свет на первоосновы. В этом смысле

²⁰ McGuinness B. Op. cit., p. 154.

²¹ Р. Карнап в Р. А. Schlipp (ed.) The Philosophy of Rudolf Carnap. – La Salle (Ill.), Open Court, 1963, pp. 25-26.

он был новым философом. Особенность Витгенштейна состояла в том, что он был «[страстным] художником интеллекта», особенность, которая, как подчеркнул Рассел, «является очень редкой» (27.5.12).

Этот тип философии был творческим, очень трудным и крайне изнуряющим. Рассел, в частности, часто сообщал Леди Оттолин Моррелл: «Витгенштейн находится на краю нервного срыва, недалеко от самоубийства, и чувствует себя несчастным грешным существом» (31.10.12). «Он постоянно переутомляется из-за вещей, которые обескураживают своей трудностью, и это переутомление скажется на нем рано или поздно» (5.11.12).

Эта философская практика сделала отношения Витгенштейна с Расселом в 1912-13 довольно драматическими. «Оба согласились, что логика – это ад!»²². Кроме того, убеждение в том, что только честная философия достигает первооснов, в то время как старая философия фальшива, или «буржуазна»²³, имело центральное значение для обоих философов. Действительно это объединило логику Витгенштейна с этикой – тенденция, которая привела его к Толстому в первые дни Первой Мировой войны²⁴.

²² McGuinness B. Op. cit., p. 154.

²³ Витгенштейн имел в виду буквальное значение. Это, конечно, было сделано специально, потому что лекция должна была читаться в Мужском Рабочем Колледже, Лондон (См. указание в книге МакГиннеса)

²⁴ Об этих событиях см.: Milkov N. Tolstoi und Wittgenstein: Einfluss und Ähnlichkeiten // Prima Philosophia, 16, 2003.